

ББК 86.37
Х70

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
HOW TO CATCH A PRINCE
by Rachel Hauck.

Published by arrangement with The Zondervan Corporation,
a subsidiary of HarperCollins Christian Publishing, Inc.
Translated by permission.

Russian edition 2018 © Mission Visson
All rights reserved.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.

Хок, Рейсел

Х70 Как заполучить принца / Пер. с англ. — СПб.: Виссон,
2018. — 448 с. — (Королевские свадьбы).

«Как заполучить принца», третий роман из серии «Королевские свадьбы», — это очаровательная современная сказка о силе настоящей любви. Герой и героиня, наследный принц одного европейского королевства и наследница американского мультимиллионера, влюбляются друг в друга, тайно женятся, но затем на долгих пять с половиной лет расстаются и встречаются вновь, чтобы... аннулировать свой брак. Однако сказок с несчастливым концом не бывает, и читателей ждет фантастически прекраснй финал.

ББК 86.37

*Посвящается Дэйзи Хаттон
и Бекки Филпотт*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Она каждый день вспоминала о том, что у нее есть тайна. Последние пять лет она жила в мрачном тумане, но полгода назад туман рассеялся и ее впервые поманил проблеск жизни и света. Это случилось, когда раздался телефонный звонок и она услышала освежающее, как морской ветер, предложение.

Но тогда же обнажились воспоминания, которые, как она думала, затерялись в глубинах ее памяти. Теперь они шумно топали в пустых коридорах ее сердца.

Стоило ей услышать тихий колокольный звон или даже простое звяканье — скажем, когда за дверью офиса открывалась и закрывалась дверь лифта, — Корина вспоминала, с каким блаженством она внимала колокольному звону, который разносился в предрассветной тишине Кафедралии.

Она мучилась от душевной боли. От неутоленного желания. И ничего не могла с этим поделать. Не могла от них избавиться.

Вздохнув, Корина откинулась на спинку стула и нажала на «паузу», чтобы остановить новостной видеоролик. Два журналиста вошли в офис и кивнули ей в знак приветствия. В руках они держали пакеты с гамбургерами.

«*Поздновато для обеда*». Корина провожала их взглядом, пока они неторопливо шли по просторному помещению, залитому неярким послеполуденным солнцем, которое проникало внутрь сквозь мутные от дождя окна.

Пора бы и ей сходить на обед. Уже почти два часа. Но она ждала, когда вернется ее босс Джиджи Бомонт. Корина хотела кое-что предложить основательнице популярнейшей онлайн-газеты «*Beaumont Post*». Это был смелый шаг даже для нее, но она была уверена, что поступает правильно.

«*Ну, а пока надо работать*». Корина погрузилась в содержимое своего почтового ящика, сортируя истории от штатных и внештатных корреспондентов со всего мира. У Джиджи были длинные руки — образно выражаясь, конечно.

Корина открыла текст, который ей только что прислали, хотя ему следовало быть готовым еще на прошлой неделе, и погрузилась в чтение, но смысл ускользал от нее начиная с первого предложения.

Что ее так встревожило? Наступил июнь. «*Ну, конечно: сегодня третье июня*». Когда она вынырнула из тумана, даты снова обрели значение.

«*Ладно. Хорошо. Третье июня*». Нужно просто признать, что в этот день произошло важное событие, и жить дальше. Впрочем, забыть о том, что она пыталась похоронить еще пять лет назад, оказалось непросто.

— Привет, Корина! — Мелисса О'Брайен уселась на край ее стола и посмотрела на монитор. — Чем ты так увлечена? А, статья от Чипа Аллена! — Она поморщилась.

— Ну... да, неплохая статья. — Корина кашлянула, выпрямилась и постаралась изобразить деловитость, не-

смотря на разброд в мыслях и урчание в животе. — Он пишет о жестокости голливудских фильмов.

— Ты уже поговорила с Джиджи?

— Пока нет. — Корина посмотрела на длинный широкий проход, заканчивающийся у кабинета босса. Дверь была закрыта, но она увидела через стекло, как Джиджи, прижав к уху телефон, расхаживает по кабинету. — Я думала, она еще не вернулась с обеда.

— Да нет, она в офисе. Телефон уже прирос к ее уху. Того и гляди, вообще без клеток мозга останется.

Корина рассмеялась:

— Они не осмелятся умереть в ее присутствии.

Джиджи Бомонт родилась в захолустье у Голубого хребта. Она сумела выбраться из нищеты, став первопроходцем в онлайн-журналистике. Ее уважали и считали сильной женщиной. Смерти, болезни, тревоги, корпоративные юристы, рейдерские захваты, ленивые репортеры, небрежные редакторы или мужья — ни один из пяти — не смогли ее победить.

— Может, тебе просто не хватает смелости? — Сумочка соскользнула с плеча Мелиссы на стол Корины. — Слушай, нам нужен шеф-редактор. Ты выполняешь его обязанности уже четыре месяца, с тех пор как уволилась Карли, и ты все еще на испытательном сроке! Смелее!

«Смелее?» Но ведь дело не в храбрости, а в уместности. Подходящий момент — это главное.

— Джиджи — моя подруга и пример для подражания. Если она считает, что я подхожу для этой работы, почему она сама мне ее не предложила?

— Это же Джиджи! — фыркнула Мелисса и повела плечиком. — Чудо, что она вообще позвала тебя на работу. Обычно люди сами умоляют ее об этом.

— Верно. — Корина встала, расправила плечи и задвинула стул.

— Дамы и господа, она встала со стула! — Мелисса изобразила восторженный гул толпы. — Похоже, она решилась!

Но Корина не сдвинулась с места. Когда Джиджи, старый друг семьи Дель Рей и первый работодатель Корины, позвонила ей после Дня благодарения* и предложила переехать во Флориду, она стала выкарабкиваться из горестного оцепенения.

Ей было двадцать девять лет, и пять из них она провела в траурном одеянии. Она была жива, но по-настоящему не жила.

— Ну?

— Я иду.

— Что-то я этого не вижу.

Корина величественно двинулась к кабинету Джиджи — походка плавная, от бедра, словно на конкурсе красоты.

— Вот видишь? Я иду. — Каблуки глухо стучали по тонкому ковровому покрытию.

— Вижу-вижу. — Мелисса звонко рассмеялась, и это прибавило Корине смелости.

В конце концов, она из семьи Дель Рей, богачка, бывшая «Мисс Джорджия», с отличием окончившая университет, журналистка и... сестра-двойняшка.

Корина прижала руку к сердцу, замедлив шаг и едва дыша. Она вспомнила о брате. Карлос погиб в Афганистане, и она, его сестра, так и не смогла с этим смириться.

Она подошла к двери кабинета и попыталась взять себя в руки. «*Забудь о прошлом*». Что она скажет?

---

* Национальный праздник американцев, День благодарения, отмечается в четвертый четверг ноября. В этот день все люди, побывавшие в сложных жизненных ситуациях, благодарят Бога за то благоволение, которое Он проявил к ним, не оставив их без помощи в трудную минуту. — Все подстрочные примечания принадлежат переводчику.

«Джиджи, я выполняю обязанности шеф-редактора. Не могла бы ты объявить об этом официально, показать команде, что оценила мои усилия?»

Корина посмотрела через стекло и постучала. Джиджи махнула рукой, приглашая ее войти. Корина улыбнулась. Медиамагнат расхаживала по кабинету и оживленно разговаривала по телефону.

— Чудесно, дорогой! *Скорей бы уже!* Тебе здесь очень понравится. Семейным людям здесь раздолье. Мы живем прямо на берегу Атлантического океана. У лагуны Индиан-Ривер. Рядом со знаменитым шоссе US 1. — Джиджи жестом пригласила Корину сесть на обитый шоколадного цвета замшей диван. — Разумеется, он может заниматься серфингом... Ну, конечно! У нас, между прочим, есть «Зал славы» лучших серфингистов. Точно тебе говорю! Послушай, ко мне тут пришли. Увидимся на следующей неделе. — Джиджи нажала «отбой», положила телефон на стол и ослепительно улыбнулась. Во рту у нее, как обычно, лежала жевательная резинка. — Прекрасная Корина Дель Рей, что привело тебя сюда? — Блестящие светлые волосы Джиджи идеальными локонами обрамляли лицо.

— Я хотела поговорить с тобой о...

— Я тут подумала... — Джиджи сунула телефон в карман юбки и, щелкая пальцами, стала описывать круги по комнате. За окном позади нее среди деревьев сверкала река, и лучи солнца отражались от гладкой поверхности, словно тысячи бриллиантов. — Нам нужна скандальная статья о какой-нибудь знаменитости. Пора оживить первую полосу.

«Beaumont Post» представляла собой серию отобранных Джиджи блогов. Их авторами были правительственные чиновники, воротилы шоу-бизнеса, светские сплетники и даже приближенные к королевской семье

лица. У Джиджи были осведомители в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Далласе, Майами, Атланте, Торонто, Лондоне, Мадриде, Кафедралии... во всех уголках земли.

— Чип Аллен написал статью о насилии в голливудских фильмах.

— Вот зануда! Корина, никого не волнует насилие в кино, а кого волнует, тот заведомо согласен с Алленом. Я уже сказала ему, что мы вряд ли опубликуем эту его статью. — Джиджи единолично владела «международной» газетой и была так увлечена своим делом, что никогда во все подробности выпуска каждого номера. Весь мир был для нее словно задний двор собственного дома. Делиться новостями она считала таким же естественным делом, как поболтать через забор с соседями, даже если «соседи» живут за тысячи миль от нее. — Нам нужно что-то такое, чтобы все *ахнули!* — Джиджи с энтузиазмом взмахнула руками.

— А зачем нужно, чтобы все *ахнули?*

Джиджи остановилась на полпути от дивана к окну и пристально посмотрела на Корину:

— Знаешь, почему я взяла тебя на работу?

— Потому что я хороший журналист, ответственный и квалифицированный. К тому же я не боюсь работы. — Впрочем, если честно, Корина понятия не имела, почему Джиджи решила ее нанять. Последние пять лет ее резюме являло собой большое белое пятно. Что она делала все это время? Она превратилась в профессиональную плакальщицу и связного между родителями. Она путешествовала с отцом, когда он приглашал ее с собой. В остальное время она сидела дома, вспоминая о счастливых временах в кругу семьи.

Но она действительно была хорошим журналистом и трудолюбивым человеком. И Джиджи это знала.

Корина должна была унаследовать большое состояние, которое ее отец заработал тяжелым трудом. Поэтому он не хотел, чтобы Корина и Карлос прокладывали себе путь, рассчитывая на семейную репутацию и капитал. Ее школьные друзья презрительно кривили рты, слыша о том, что она занимается домашним хозяйством и работает летом, чтобы купить себе машину. «Но ведь твой отец — мультимиллионер!»

«Скажите это Дональду Дель Рею».

— Ты считаешь себя хорошим журналистом? — Джиджи, нахмурившись, села на диван, и Корина испугалась, что она другого мнения. — Конечно, ты — хороший журналист. Кстати, ты отлично справляешься с обязанностями Карли. Ребята тебя полюбили. Кто бы мог подумать, что ты такая внимательная!

— Я могла бы.

— Само собой!

— Поэтому я решила попросить тебя, чтобы ты...

— Корина, я наняла тебя, чтобы ты добавила нам огня.

— Что, прости?

— Послушай, ты же тусовалась с Пэрис Хилтон. Не сомневаюсь, у тебя в телефоне найдутся номера двух-трех представителей клана Кардашьян.

— Ты что, забыла, чем я занималась последние пять лет?

— Да, я понимаю... такое горе, ты была в трауре. — Джиджи дотронулась до колена Корины: — Как жаль, что Карлос погиб. Он был прекрасным молодым человеком. Такой красавчик и к тому же добряк. — Зрелая акула пера втянула воздух между зубами. — Он напоминал мне моего третьего... нет, четвертого... да, четвертого мужа. Его звали Дези. — Она прикрыла глаза и задумалась. — Зря я с ним развелась.

— Можно об этом рассказать на первой полосе.

Джиджи сразу очнулась от задумчивости:

— Ты ж моя умница! Очень смешно. Нет, нам нужен эксклюзивный материал.

— В каком смысле эксклюзивный?

— Я хочу, чтобы мы рассказали о том, чего никто не знает. Поговори с кем-нибудь из своих знаменитых друзей, пусть поделятся последними сплетнями. Подумай сама. Может, тебе удастся встретиться с дочерью Билла Клинтона или близняшками Буш?

— Джиджи, — сказала Корина, вставая, — если ты хочешь опубликовать скабресный слух о дочери бывшего президента, поищи кого-нибудь другого. Я пришла, чтобы попросить тебя назначить меня шеф-редактором. Буду рада пообщаться, если захочешь поговорить серьезно.

Знаменитые подружки, дочери президентов, друзья школьных лет? После похорон Карлоса с ней практически никто не общался.

Но она ни на кого за это не обижалась. В день его гибели ее жизнь навсегда изменилась. Вместе с отцом она бросила первые горсти земли на крышку гроба с телом брата. Рыдающая мама безвольно обмякла на руках священника. Это был конец. Семья Дель Рей — дружная, любящая — распалась. Корина потеряла брата, с которым были связаны все самые чудесные воспоминания детства. Потом она «потеряла» родителей, семейные традиции, душевную близость с ними, радостный смех...

— Ты хочешь быть шеф-редактором? — Джиджи рассмеялась. — Дорогая, ты помнишь, о чем я тебя спросила? Почему я наняла тебя на работу? Потому что мне нужны пикантные сплетни о богатых и знаменитых. Ты нужна мне, чтобы путешествовать по миру и расцвечивать жалкое существование наших читателей

рассказами о том, как живет один привилегированный процент населения земного шара. Не сомневаюсь, если ты пороешься в памяти, то вспомнишь какую-нибудь забавную историю.

— Нет. Если даже я что-то и вспомню, я тебе этого не расскажу. Это предательство по отношению к моим друзьям.

— Тс-с-с! — Джиджи покачала головой. — Ты же работала со мной раньше. Неужели ты ничему не научилась?

— Научилась. Поэтому я прошу назначить меня шеф-редактором. — Корина потеряла слишком много времени, пока пряталась дома, пытаюсь смириться со смертью Карлоса и утешить родителей и ожидая, когда сможет начать жизнь сначала. Теперь ей не хотелось ждать ни секунды. Она была свободна, и ее переполняла жажда деятельности.

Правда, папа волновался из-за того, что она живет одна, хотя раньше это его не смущало. Наверное, все из-за того, что он потерял сына.

«Корина, ты — богатая наследница, а у тебя даже телохранителя нет. Позволь, я найму его для тебя», — говорил он.

Но она отказывалась. Ей хотелось просто *жить*. Обрести точку опоры и найти свою судьбу. Она чувствовала себя сломленной, нищей, слабой. Какая уж там богатая наследница!

В конце концов она прислушалась к папиной просьбе и купила квартиру в здании на охраняемой территории. Оно находилось в чудесном месте у реки, и в него не могли проникнуть посторонние.

— Эта вакансия уже закрыта, — объявила Джиджи, откинувшись на спинку дивана и положив на нее руку. — Я только что предложила это место Марку Джонсону.

— Марку Джонсону? — Корина остановилась на полпути к двери. — *Тому самому* Марку Джонсону, с которым я работала после университета? Нам всем *каждый день* приходилось его спасать и прикрывать, потому что он веселился с утра до ночи и забывал выполнять редакционные задания. Ты говоришь *об этом* Марке Джонсоне?

— Да, *об этом*. — Джиджи весело рассмеялась, словно не обратив внимания на недоумение Корины. — Что ж, раньше его действительно нельзя было назвать примерным сотрудником...

— Раньше? Сколько лет прошло с тех пор? Семь?

— Он повзрослел и многого добился. Женился, завел ребенка. У него впечатляющий опыт работы.

Корина прекрасно поняла скрытый смысл ее слов. «*А у тебя нет*». Да, у нее ничего этого не было, потому что она пыталась склеить остатки разбитой жизни и спасти семью.

— Он работал в Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе. А сейчас занимает пост старшего редактора в компании «Martin Looper Media». — Джиджи выразительно подняла брови: — Это наши конкуренты.

— Джиджи, ты сама мне позвонила и предложила мне работать у тебя. Так позволь мне это сделать. Я справлюсь с работой. Я каждую неделю созваниваюсь с офисами в Нью-Йорке и Лондоне. Я поддерживаю связь с блогерами, репортерами и фотографами через Skype, FaceTime и Google+. Я подружилась с ребятами в редакции...

— Хочешь, я честно скажу, почему я тебе позвонила? — Эти слова застали Корину врасплох. Она-то думала, что это Бог ответил на ее мольбы «что-то для нее сделать», ведь она больше не могла отдавать всю

себя поддержке родителей и одновременно выстраивать свою жизнь. У нее было чувство, что она тонет, погибает вслед за родным братом. Карлос не хотел бы этого. — Потому что твоя мама сказала, что ты действуешь ей на нервы.

— Как ты сказала? Действую ей на нервы?

— По ее словам, ты постоянно сидела дома и...

— Я? — «*Мама в своем репертуаре. Она несправима*». Корина хрустнула костяшками пальцев и крепко сжала кулаки, так что ногти вонзились в ладони. — Это она постоянно сидела дома.

— Ну что ж, и вот ты здесь. Когда она предложила мне тебя нанять, я подумала, что это неплохая идея. Ты ожила. Я рада. Но место шеф-редактора? Я тебя умоляю! — Джиджи встала и подошла к столу, показывая, что разговор закончен. — Я хочу, чтобы ты нашла *шикарный* информационный повод. — Она весело улыбнулась Корине: — Пусть эта история станет главной в твоей жизни.

— Вот как? — Корина открыла дверь кабинета. — И что бы это могло быть?

Вернувшись к своему рабочему месту, она со вздохом села за стол и, глянув на Мелиссу, покачала головой. Ее подруга нахмурилась и, покосившись на кабинет Джиджи, показала язык.

Главная история в ее жизни. У нее есть такая история. Из ее собственной жизни. *Поразительная* история, но никто о ней не знает. Это ее тайна.

«*И его*».

В те дни, когда туман застилал ее сердце и мысли, ей почти удавалось убедить себя в том, что это был всего лишь сон. Но стоило ей услышать тихий колокольный звон или даже звяканье двери лифта, и она понимала: все было по-настоящему.

Она никому не расскажет эту историю. «*Никогда!*» Потому что это — тайна. Хотя она сама не понимает, зачем хранит *ему* верность.

Вздыхнув, Корина подалась вперед, чтобы перечитать занудную статью о голливудских фильмах.

Почему же она все еще хранит эту тайну? Простая мысль рикошетом ударила в голову: наверное, потому, что в глубине души она до сих пор любит его.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Королевство Брайтон — Кафедралия

«Liberty Press»

4 июня

ПРИНЦ СТИВЕН НАЗВАН САМЫМ ЗАВИДНЫМ
ХОЛОСТЯКОМ В ЕВРОПЕ

«Informant»

5 июня

В КОРОЛЕВСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ НАМ ЗАЯВИЛИ,
ЧТО ПРИНЦА БОЛЬШЕ ИНТЕРЕСУЕТ РЕГБИ,
ЧЕМ ПОИСК НЕВЕСТЫ

6 июня

ПРИНЦ СТИВЕН, ПОКРОВИТЕЛЬ ЮНОШЕСКОЙ КОМАНДЫ
ПО РЕГБИ, ОТКРЫЛ ЛЕТНИЙ ТУРНИР

* * *

Он раздраженно выключил телевизор, негодуя на то, что позволяют себе эти шутницы из шоу «Мадлен и Гиацинт». За кого они его принимают? С чего они взяли, что должны подыскать ему невесту?

У них были приятельские отношения, но сегодня телевизионщицы зашли слишком далеко. С какой стати они

на всю страну рассуждают о его личной жизни? Что это на них нашло? Его уже давным-давно не видели с девушкой. Да еще из-за проклятой травмы лодыжки он не может играть в регби и на целых три месяца исчез из поля зрения публики.

«Так в чем же дело?»

Тем не менее в этот самый момент жители Королевства Брайтон смотрят их передачу и оставляют твиты с хэштегом #какзаполучитьпринца. «Ну, спасибо вам, Мэдди и Ги».

Стивен мог бы и сам оставить сообщение в Twitter, если бы был в нем зарегистрирован. «Оставьте его в покое #какзаполучитьпринца».

Хромая, он вышел из комнаты и направился на кухню. В животе урчало. Ужасно хотелось чая и булочек. В холле принц остановился у окна и засмотрелся на наполовину скрытый в тени дворцовый сад.

«Все такое зеленое! Красиво». Как же он соскучился по полю для игры в регби! Но он вынужден сидеть взаперти, пока не выздоровеет. Из-за растяжения связок ему приходится носить специальный ботинок — ортез. Он получил травму во время весеннего Кубка семи наций, когда его карьера, казалось, поднялась на новую высоту. Регбийный союз назвал его лучшим полузащитником лиги.

Признания он, наследный принц, добился самостоятельно.

Травма Стивена оказалась серьезной. Он выздоравливал совсем не так быстро, как ему хотелось. Он чувствовал, что с каждым днем его достижения ускользают от него, в то время как молодые и более выносливые парни стремятся занять его место под номером 14.

На кухне все было готово к чаепитию. В центре стола возвышалась гора сладких булочек с корицей. Ро-

берт — его камердинер, дворецкий и секретарь — знал свое дело.

Стивен сел за кухонный остров, на котором лежали льняная салфетка и серебряные приборы, взял фарфоровую чашку — Роберт неукоснительно соблюдал королевский этикет — и сделал длинный глоток, потом вонзил зубы в булочку.

Воздушная сладкая булочка таяла во рту. «*Вкуснятина*».

Стивен разглядывал выполненную в стали и граните кухню (разработку ее проекта несколько лет назад курировала мама, когда он отлучался на чемпионат мира) и пытался разобраться в своих чувствах.

Что беспокоило его на самом деле? Заголовки газет, рассуждающих о его личной жизни? Мэдди и Ги? Пользователи Twitter, которые набросились на него с советами? А может, ему было грустно от того, что у него нет личной жизни?

По правде говоря, он вовсе не обижался на Мэдди и Ги. Они придумали забавный хэштег. Девчонки — молодцы, они всего лишь выполняют свою работу — развлекают брайтонцев каждый будний день.

Нет, нет, на самом деле его мучили кошмары и воспоминания. Он думал о том, что хотел забыть. Ради этого он пробежал тысячи миль по полю для игры в регби.

«Чтобы все осталось позади».

Но сейчас, когда ум и тело не были заняты игрой, громко заявили о себе воспоминания.

В конце лета Стивен обязательно вернется в команду. Весной ему сделали операцию, и с тех пор он послушно выполняет все назначения физиотерапевта. Осенью он будет в отличной форме и сможет вместе с командой побороться за первое место в премьер-лиге.

Принц взял еще одну булочку, и его посетило некое смутное воспоминание. Почему эти булочки вечно наводят его на мысли о ней?

Впрочем, что тут непонятного? В тот вечер, который навсегда запечатлелся в его памяти, они вместе ели булочки в пекарне «Franklin».

На кухню вошел Роберт. В руках он держал набор посудных полотенец.

— Вот вы где, сэр. Как проходит лечение?

— Прекрасно. Ты видел заголовки сегодняшних газет?

— Это отвратительно. Они вмешиваются в вашу личную жизнь.

— Они случайно сюда не звонили с расспросами?

Роберт поморщился, убирая аккуратную стопку полотенец в шкаф.

— Это было бы крайне опрометчиво с их стороны. Пустая трата времени.

— Я так и думал. Не понимаю, чем вызван их внезапный интерес.

— Возможно, причина в том, что на прошлой неделе не происходило ничего интересного, — с улыбкой сказал Роберт.

Стивен рассмеялся:

— Спасибо за комплимент!

— Не стоит благодарности. — Роберт засуетился на кухне, готовясь к подаче ужина. — Я полагаю, вы примете участие в летних международных играх? Как «Брайтонские орлы» обойдутся без своего лучшего полузащитника? — Рыжеволосый Роберт, стройный и подтянутый несмотря на пожилой возраст, был ярым болельщиком. — В городе только и разговоров, что о грядущем турнире. Все ждут его с нетерпением.

Стивен выбрал Роберта, потому что тот страстно любил регби. Это выделяло его среди других служащих. Кроме того, он был сыном камердинера, который был сыном камердинера, чей отец тоже служил во дворце.

— Я не буду участвовать в летних играх, — сказал Стивен. «*Все из-за проклятой травмы!*» Ему надо было следить за левым боком, который всегда был его слабой стороной. На летних играх он непременно выиграл бы еще один кубок. Пока у него скопилось их всего двадцать восемь, а он мечтал о пятидесяти. — Лодыжка еще не зажила.

— Какая жалость, сэр! Ведь у нас построили новый стадион... Говорят, на выходных нас ждет грандиозная церемония открытия.

— Я буду болеть, сидя на трибуне.

— Уверен, игроки будут рады, что их поддерживает сам принц и звезда их команды.

Стивен заерзал на стуле, осторожно растягивая лодыжку, и чуть не ахнул от боли. Почему нога не заживает? Пульсирующая боль мучила его беспрестанно. А бывало и хуже: порой она поднималась и штопором ввинчивалась в сердце. С тех пор как он вернулся из Афганистана и уволился из военно-воздушных сил, он упорно тренировался на поле, поглощенный мыслями о настоящем и надеждами на будущее. Стивен радовался каждой тренировке, каждому испытанию, которые прогоняли мрачных демонов печального прошлого и сомнения в доброте и милосердии Господа.

Впрочем, пока только июнь. Стивен пропустит летние игры, но доктор Гейлорд обещает, что принцу придется носить ортез и делать процедуры еще месяц, после чего он сможет вновь приступить к тренировкам. «*Сто процентов*».

Стивен сунул в рот шестую булочку и запил ее чаем. Тут в дворцовых покоях раздался звон дверного колокольчика.

Роберт вытер руки о полотенце:

— Вы ждете гостей, сэр?

— Может, к нам пришел человек, который знает, как заполучить принца?

Глаза Роберта весело блеснули.

— Позвольте, я открою?

— Будь так добр. Я сам хотел бы знать ответ на этот вопрос.

Стивен налил еще чашку чая. Так как же заполучить принца? Американке Сюзанне понадобилось всего одно мгновение, чтобы пленить сердце его брата Натаниэля.

А сам он, Стивен? Однажды его тоже поймали на удочку. И он не хочет, чтобы это повторилось, сколько бы мама ни намекала, что мечтает нянчить внуков от обоих сыновей.

— Сэр, вас пришел навестить брат.

Стивен оглянулся и увидел Натаниэля. Старший брат держал под мышкой большой белый конверт.

— Натаниэль, хочешь чая и булочек? Твои любимые.

Стивен гостеприимно выдвинул для Натаниэля из-под стола второй стул.

— Мы можем поговорить наедине? — тихим серьезным голосом спросил Натаниэль, даже не глянув на булочки.

— Да, конечно, а в чем дело? — «Натаниэль отказался от булочек? На него не похоже». Стивен жестом предложил ему сесть. — Роберт, не мог бы ты нас ненадолго покинуть?

Камердинер поставил на стол вторую чашку и безмолвно вышел из кухни, прикрыв за собой витражную дверь.

— Хотя бы чая выпьешь? — Стивен взял чайник и налил чай в чашку, которую Роберт оставил для короля.

— Да, пожалуй. — Натаниэль сел, продолжая сжимать конверт.

— Что ты такой мрачный? Вы с Сюзанной поссорились?

— Вовсе нет, у нас все хорошо. Очень хорошо. Мы мечтаем о ребенке. Работаем над этим.

Стивен широко улыбнулся:

— А почему тогда у тебя такой несчастный вид? — Он показал на конверт. — Только не говори, что будешь снова убеждать меня провести коронацию и официально стать принцем Брайтонским.

Натаниэль положил конверт на стол и похлопал по нему, словно чтобы убедиться в том, что конверт никуда не денется.

— Нет, но вопрос остается открытым. Я не понимаю, почему ты упрямисься. Ты — мой брат, а значит, ты — принц Брайтонский. Коронация — всего лишь формальность.

— Вот именно. И как только формальности будут улажены, я стану попечителем... пятнадцати, кажется, благотворительных фондов и организаций, включая «Военный мемориал» и «День поминовения погибших».

— Я думаю, ты сочтешь это за честь, ведь ты тоже воевал и был ранен.

— Хватит, Натаниэль. Ты знаешь, почему.

— Да, ты говорил мне, но все же я тебя не понимаю...

— Натаниэль, хочешь, я снова расскажу тебе о своих последних днях в Афганистане?

— Нет, я помню все трагические подробности и имена людей, которые там погибли... Неужели ты не хочешь

почтить их память, выступая от их имени, чтобы напомнить народу о том, какую цену мы заплатили за свободу?

— Я вспоминаю о них, когда играю в регби. Я играю за них.

Стивен понимал, что Натаниэль оказался в сложном положении. Он — король, у него есть обязанности, дела, долг... А журналисты все никак не унимаются: им непременно нужно узнать, когда король коронуется своего брата, чтобы тот официально стал принцем Брайтонским.

Королевская канцелярия всегда отвечала на этот вопрос одинаково: «В настоящее время Его Высочество увлечен игрой в регби. Он имеет право заниматься тем, что его интересует».

Принц Брайтонский считался благотворителем, филантропом и покровителем бедных. В 1850 году король Леопольд IV назвал своего брата заступником и представителем бедняков и ветеранов войны.

Этот титул наследовался старшим из братьев правящего короля. Последним принцем Брайтонским был двоюродный прадедушка Натаниэля и Стивена, принц Майкл. Он тоже играл в регби и был полковником артиллерии. Принц Майкл погиб в день высадки союзных войск в Европе.

— Я думал, ты хочешь почтить память дедушки Майкла и других людей, которые погибли на войне. Это важно для их родственников. Ты должен встать во главе «Военного мемориала». Подумай о тех, кто воевал в коалиционных войсках. Они не были брайтонцами, но вы сражались бок о бок и они отдали свои жизни за то, чтобы...

Стивен резко дернулся прочь от стола, зацепившись ортезом за стул.

— Я знаю, кем были эти люди и за что они умерли. Не читай мне нотаций, Натаниэль. — Его затошнило от съеденных булочек и выпитого чая.

Он не мог это сделать. Он не мог облачиться в военную форму и лицемерно предстать перед народом и всем миром, притворяясь тем, кем он не был. Притворяясь достойным человеком.

Кроме того, он создал собственный мемориал в Парр-сонс-Хаусе и в День поминовения отдавал дань погибшим. Он делал это каждый раз, когда уезжал из столицы.

— Послушай, я не совсем понимаю, но... — Натаниэль достал конверт.

— Нет, ты совсем не понимаешь. Правда. Так что давай оставим эту тему. Генерал Хорш великолепно справляется с обязанностями патрона обеих организаций. Он — прекрасный человек и смелый воин. К тому же он был командующим силами международной коалиции.

— Ты поддался страху, дружище.

— Поддался? — «Ха!» — Ты считаешь, я поддался? А я считаю, что у меня есть право выбора, Натаниэль. — Стивен ударил себя в грудь, чтобы придать себе смелости. — Не говори так. Я каждое утро встаю с постели и продолжаю *жить* несмотря на то, что произошло в тот день в Торкхаме.

Последние слова он произнес почти шепотом, и они, отразившись от кухонной плитки и отштукатуренных стен, завибрировали в воздухе.

— Я тебе сочувствую, — помолчав, сказал Натаниэль. — Но я пришел сюда по другой причине. Обсудим коронацию как-нибудь потом. — Король протянул брату конверт: — Объясни, что это такое?

Стивен перевернул конверт:

— Это белый конверт формата А4. Такие конверты используют для хранения и пересылки документов.

— Очень смешно. Мой брат — комик. Внутри. Посмотри, что лежит внутри. — Натаниэль наклонился и щелкнул по краю конверта. — Маме я не сказал ни слова, чтобы не волновать ее.

За тридцать один год своей жизни Стивен много раз разочаровывал маму. Но все это было в юности и ни разу с тех пор, как он окончил университет. Во всяком случае, насколько ему было известно. Он упорно работал над собой, чтобы избавиться от репутации принца-неудачника. Принца, из которого ничего не получилось.

— Не волновать? Что ты имеешь в виду? — Из конверта выпал лист бумаги, и Стивен похолодел от ужаса. Он тихо выругался. — Где ты это взял?

— Так это правда?

Стивен, не отрываясь, смотрел на золотистого цвета документ с рельефными буквами, выписанными каллиграфическим почерком.

— Вроде того. Не совсем. То есть когда мы поехали в Гессенберг... Откуда это у тебя?

В его душе разгорелись давно забытые чувства, воспоминания и страстное желание, с которым, как ему казалось, он давно распрощался.

— Архиепископ Буркхардт прислал мне его с курьером. Он очень обеспокоен. — Майлс Буркхардт возглавлял церковь Великого герцогства Гессенберг — близкого соседа и союзника Брайтона в Северном море. — Он наткнулся на это свидетельство в каком-то тайнике своего кабинета. Архиепископ Колдуэлл никогда о нем не упоминал. Буркхардт решил устроить ремонт и случайно нашел его.

— Тогда нечего беспокоиться. — Стивен положил свидетельство в конверт, с трудом убеждая себя в том,

что все это *неважно*. — Брак не был зарегистрирован в суде. Документ не имеет законной силы. И мы расстались, когда я вернулся из Афганистана.

— Расстались? — Натаниэль нахмурился. Это начинало действовать Стивену на нервы. «*Что ему неприятно?*» — Как все закончилось?

— Не знаю, что и сказать.

«*Все он знает*».

«*Я — лжец*».

— Она пошла своей дорогой, я — своей. — Стивен изобрел столько оправданий, что почти убедил себя в правильности своего поступка. В любом случае этому нужно было положить конец. Вот они и расстались.

— Стивен, — Натаниэль поднялся и выхватил у него конверт, — ты женат!

— Нет. Брак не был зарегистрирован в суде.

— Значит, это церковь признала его недействительным? Потому что, согласно этому документу... — Натаниэль размахивал свидетельством, словно флагом, на котором было написано «Ты снова натворил бед!», — ...ты все еще женат.

— Признала недействительным? Как? Ведь об этом никто не знает... Ты сам сказал... эта штука... — Стивен щелкнул по конверту: — Эта штука была спрятана в каком-то тайнике. Брак не был зарегистрирован официально.

— Ты с ума сошел? Вас обвенчал архиепископ, следовательно, ваш брак зарегистрирован церковью. Регистрация в церкви имеет такую же, если не большую, силу, что и регистрация в суде!

— Но архиепископ Колдуэлл так и не отдал это свидетельство в архив. — Зачем они так долго об этом спорят? О чем тут рассуждать? Кажется, и так все ясно. Он не женат. Он вернулся из Афганистана полным решимости расстаться с женой и играть в регби.

— Неужели ты так наивен? Ты — член королевской семьи. Если в свидетельстве говорится, что шесть лет назад, третьего июня, ты женился на Корине Дель Рей, значит, ты, братишка, женат.

— Это невозможно! — Стивен обошел вокруг стола. Мысли сталкивались с бушующими в груди эмоциями. — Я не видел ее с тех пор, как...

— Неважно. Вот свидетельство о браке, на котором стоит печать. Ты принес брачный обет перед лицом Бога и церкви. Или ты подавал прошение о расторжении брака?

— Нет! — Стивен резко взмахнул рукой. — Мы держали это в секрете. Архиепископ пообещал прятать это свидетельство, пока я за ним не приду.

— Что ж, он выполнил свое обещание. К сожалению, он не успел предупредить о нем архиепископа Буркхардта. Разве Колдуэлл не сказал тебе, что свидетельство действительно в любом случае, даже если ты не зарегистрируешь его в суде?

«Нет. Возможно. Да». Стивен провел рукой по волосам, которые встали дыбом. «Как необдуманно...» Это было и впрямь *необдуманное*, спонтанное решение. Они были влюблены друг в друга. Он должен был вот-вот лететь в Афганистан. До отъезда оставалось четыре недели. Четыре недели на то, чтобы побыть мужем и женой. Они договорились держать свой брак в тайне, пока он будет в отъезде, а потом сообщить новость родственникам, да и всему миру.

Стивен быстро принимал решения, и они оказывались правильными. Проблемы начинались, когда он колебался. Как в тот день в Торкхаме. Или в тот день на регбийном поле, когда он засомневался, стоит ли кидаться наперерез защитнику «Английских львов».

— Ты ее любил?

— Да... наверное.

Натаниэль вздохнул и провел рукой по волосам:

— Ты женился на американской богачке и никому ничего не сказал? — Он выхватил конверт и, раздувая ноздри, глянул на него с раздражением. Стивену не понравился его тон.

— Да, я женился на ней. И что с того? — Он снова завладел конвертом. Да, Натаниэль — его брат и король, но он не его отец, не его совесть и не его Бог. — Насколько я помню, ты относился к ней с симпатией.

— И где она теперь? — Натаниэль положил руки на пояс и сделал вид, что внимательно рассматривает кухню. — Я не вижу ни фотографий, ни памятных вещей. Никаких доказательств того, что она была в твоей жизни.

— Наши отношения закончились. Я не знаю, где она теперь. Полагаю, в Штатах. Со своей семьей. Она вернулась домой, когда погиб ее брат. — Он злился на своего брата за то, что по его милости ему приходится вспоминать об этом. — Послушай, давай просто разорвем свидетельство и забудем об этом браке. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Архиепископ предусмотрительно сделал копию. И мы не можем просто взять и разорвать свидетельство о браке, Стивен. Корина не твоя собачка. Она — твоя жена.

— Я пять лет не видел ее. — Стивен вновь сел на стул у кухонного острова, взял булочку, но тут же бросил ее обратно на блюдо.

— А я и не знал, что браки автоматически расторгаются, если ты долго не видишь мужа или жену. Если, конечно, речь не идет о смерти. Но разве Корина умерла?

— Что ты мелешь! Ты же знаешь, что произошло с ее братом. Как ты можешь быть таким жестоким! — Стивен снова стал расхаживать по кухне. От волнения он не мог спокойно сидеть на месте. — И не смей отчитывать меня, как мальчишку.

— Ты прав. Прости. Это известие выбило меня из колеи. Даже не знаю, как быть. Стивен, о чем ты думал? Ты сознательно рисковал своим правом на брайтонский престол? Шесть лет назад этот брак считался совершенно незаконным. Потенциальному наследнику запрещалось жениться на иностранке. А если бы со мной что-нибудь случилось? — Натаниэль был разгневан. — Ты второй после меня в очереди на престол!

— Я тебя умоляю! Это же я отправился на войну. Ты, наследный принц, не мог себе этого позволить.

— Я мог поскользнуться и упасть в ванной, удариться головой о...

— Ты шутишь? — Стивен сардонически рассмеялся.

— Вовсе нет. — Натаниэль вдруг заметил чашку чая, которая стояла перед ним, отпил из нее глоток и скривился. — Чай остыл.

— Я поставлю чайник...

— Не надо, Стивен. — Натаниэль сел на стул. — Расскажи мне, что у вас произошло? К чему эта секретность? Что вы собирались делать после твоего возвращения?

— Не знаю, Натаниэль. Ты засыпал меня вопросами. Послушай, я был влюблен. — Стивен присел на край кухонного стола и закинул ногу в ортезе на здоровую ногу. Лодыжка сразу заныла от боли. — Это случилось вечером, после Военного бала. Мы с Кориной поднялись на самый верх башни Брейтуэйт. Там никого не бы-

ло, только мы вдвоем. Мы смотрели на залитую огнями Королевскую улицу, и жизнь казалась нам прекрасной и удивительной. Было девять вечера. В эту минуту зазвонили колокола собора...

Гулявший по улицам ветер обдал их запахом реки Конор. Стивен положил руки на ограждение башни Брейтуэйт, и Корина оказалась в его объятиях. Ее волосы касались его щеки, и ему казалось, что он тает от ее близости.

Принц повернул ее к себе и нежно провел пальцами по подбородку, а потом коснулся губами ее рта. Какие мягкие, какие сладкие губы... Это пробудило в нем сильное потаенное желание. Он отступил назад. У него не было сомнений в том, что слова, которые нашептывало ему сердце, — чистая правда.

Он любил ее. Он хотел на ней жениться. Но через четыре недели он вместе с другими парнями с военно-воздушной базы должен был на полгода отправиться в Торкхам.

Зазвонили колокола. Казалось, звук окружает его со всех сторон, он раздавался и сзади, и спереди, и сбоку...

Один, два, три...

Она первой произнесла слова, которые рвались из его сердца:

— Стивен, я люблю тебя. Ты — мой принц. — Тихий смех Корины ласково коснулся его ушей.

Четыре, пять, шесть...

Тогда он понял, чего ему хочется больше всего на свете. Он ни о чем не думал и ни секунды не колебался, потому что знал, что поступает правильно. Он опустился на одно колено и заглянул в ее карие с золотыми искорками глаза.

Семь, восемь...

— Выходи за меня замуж, Корина Дель Рей.
Я очень тебя люблю.

Девять!

— Что? Выйти за тебя замуж? — раздался в тишине ее голос. Их овеял пропитанный запахом жимолости июньский ветерок.

— Да. Сегодня же вечером. Мы еще успеем на паром в Гессенберг.

— В Гессенберг? Но почему? Зачем? Ведь по брайтонскому закону ты не можешь жениться на иностранке, — дрожащим голосом сказала она.

— Какое это имеет значение, когда мои руки уже обнимают тебя?..

— Я люблю тебя и не понимаю, зачем нужен этот закон, но, Стивен, я не хочу, чтобы из-за меня что-то угрожало династии Страттонов.

— Ты здесь ни при чем. Я сам буду отвечать за свое решение. Дорогая, через тридцать дней я отправляюсь на войну. Вот что действительно может представлять угрозу для династии Страттонов, а вовсе не женитьба принца на девушке, которая пленила его сердце. Выходи за меня замуж! Пожалуйста! Я знаю гессенбергского архиепископа. Он хороший человек. Я не сомневаюсь, что он обвенчает нас.

Во всяком случае, он так думал.

— Ты правда хочешь на мне жениться?

— Значит, ты согласна?

— Если ты хочешь на мне жениться, то...

— Да! Выходи за меня замуж! — Он обнял ее и стал покрывать ее лицо поцелуями...

— Стивен, ты меня слышишь?

Он, словно очнувшись, посмотрел на брата:

— Ты что-то сказал?

Натаниэль налил в чашку чая:

— Почему вы расстались?

— Почему *ты* спрашиваешь? Сам-то ты как думаешь? Ты же знаешь, что ее брат был среди тех, кто погиб в *тот* день. — Натаниэль, министр обороны, командующий военно-воздушными силами и их покойный отец были единственными людьми, которые знали правду.

— Так ты решил расстаться с ней из-за Карлоса? — Натаниэль знал, что Стивен дружил с Карлосом и что он был по уши влюблен в его сестру-двойняшку Корину.

— Когда она узнала новость о... Карлосе, она поехала домой, чтобы поддержать родителей. — Стивен покачал головой. Его чувства было невозможно передать словами. — Те пять дней я был в госпитале, после взрыва, и все время думал о том, что, глядя на нее, буду вспоминать...

— И что дальше? Ты просто позвонил и сказал: «Все кончено»?

— Нет. После похорон Карлоса она вернулась в Брайтон. Я не мог объяснить, почему я ее игнорирую, почему не отвечаю на звонки и письма и почему не поехал на похороны ее брата. В армии не знали, что мы женаты, и поэтому, естественно, никто не сообщил ей о том, что меня ранили.

— Твои родственники тоже об этом не знали. — Натаниэль вздохнул, и это было хуже, чем упрек. Значит, он тоже так думает. «*Ты снова все испортил*».

— На две недели мы потеряли друг друга из виду. Сначала я был в госпитале, потом я... пытался прийти в себя. Она не знала, что Карлоса перевели в мой отряд. Она прилетела в Брайтон, чтобы узнать, что со мной стряслось, и рассказать о Карлосе, если я вдруг не в курсе. Когда она приехала, я собирал свои вещи в ее квартире.

Мы жили там после свадьбы... скрывались от журналистов...

— И ты ее бросил?

— Я сказал ей, что наш брак был ошибкой. Вполне разумное объяснение, ведь мне было запрещено жениться на иностранке. Я нарушил закон.

— Значит, на самом деле ты не любил ее, когда женился на ней?

Стивен глянул на брата:

— Я очень ее любил.

Ее звонки и письма помогали ему жить. Коробки с печеньем и пирожными, рисунки и стихотворения, которые она посылала, разжигали в его сердце такой же сильный огонь, как поцелуи и жаркие объятия. Правда, выпечка ей не удавалась — Стивен и его приятели не могли съесть печенье Корины, не запивая его большими глотками воды, — но он ценил ее старания.

Его командировка в Торкхам быстро подошла к концу. Отряд участвовал в напряженных боях, и любовь к Корине помогала ему справляться с тяготами жизни на войне. Несколько месяцев — с июля до января — показались ему вечностью, как путнику в пустыне, которого мучает жажда. За четыре недели до возвращения домой предатель взорвал палатку, в которой размещалась столовая, и погибли шесть человек из отряда Стивена. В том числе брат его жены.

Стивен выжил. Неделю он провел в полевом госпитале, а в канун Нового года его тайно транспортировали домой.

— Стивен, ты разбил ей сердце.

— Какие громкие слова! Это ужасно! — В последнее время ему часто снился один и тот же сон о том, как она плачет. Поэтому он играл в регби. Физическое на-

пряжение помогало ему забыть о собственной душевной слабости.

— Так и есть. — Натаниэль разочарованно вздохнул. — Впрочем, удивляться нечему. Она спрашивала тебя о том, что произошло? Куда ты пропал? Почему перестал ей писать? Ты рассказал ей, что был тогда с Карлосом?

— Ты сам знаешь, что я не мог ей это рассказать. Это же секретная информация. Я старался не вдаваться в подробности. Объяснял это тем, что у меня ПТСР*. — Он привык скрывать правду от самого себя, и даже сейчас ему было сложно об этом говорить. — Ну, я сказал ей, что произошел взрыв. Еще сказал, что близость смерти помогла мне осознать мою ответственность перед Королевским Домом и династией Страттонов. И больше ничего. Если бы страна узнала, что я женат на американке, начался бы хаос. Мне пришлось бы подписать отречение от престола, и отец это не перенес бы. Упокой Господь его душу.

Король Леопольд V два года назад умер от лейкемии. Стивену и сейчас сильно его не хватало.

— Ну, ты даешь! Ты в своем репертуаре. Опять все испортил.

— Натаниэль, тебе легко говорить. Я и сейчас думаю, что поступил правильно. Если не считать нарушения юридических запретов, которые были сняты только тогда, когда ты решил жениться на Сюзанне. Я хотел жить дальше, забыть об Афганистане. А значит, и о Корине тоже. Разве я мог смотреть на нее и не думать о том, что там произошло?

— Даже не верится, что она подчинилась, не потребовав объяснений.

---

* ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство («вьетнамский синдром», «афганский синдром»).

— Она не сдавалась, пока я не объявил ей, что мне придется отречься от престола. Тогда она поняла, что между нами все кончено.

— Ты так и не признался ей, что был рядом с Карлосом, когда он погиб?

— Нет. — Ему хотелось покончить с собой, когда он сказал ей, что хочет с ней расстаться, и ее лицо исказилось от боли. Он будет помнить об этом всю жизнь. Он будет помнить еще и о том, как она зарыдала, когда он сказал ей, что Карлос погиб напрасно. Потому что он погиб из-за него.

Стивен вычеркнул из памяти тот день, когда они расстались. Но разговор с Натаниэлем привел к тому, что воспоминания выползли из глубин и расщелин его памяти. Обрывки и осколки того ужасного дня вновь показались на поверхности, и их словно осветил яркий луч.

Она горько плакала, говорила ему, что они любят друг друга, что он должен поддержать ее после гибели Карлоса. Стивен чуть не сжалился над ней и не обнял ее, приговаривая, что все будет хорошо.

Но вдруг он будто услышал звук взрыва и крики раненых людей. Он увидел кровь на своих руках. И едва не сбежал.

— Скажи, неужели архиепископ Колдуэлл не задавал вам вопросов? — спросил Натаниэль.

— Сначала он возражал, но его жена подала нам чай, и у нас завязался задушевный разговор. Думаю, он решил, что мы влюблены и не сомневаемся в своем решении. — Стивен схватил брата за руку: — Я правда ее любил. Всем сердцем. Но после того, что произошло в Торкхаме, все изменилось.

— Ты понимаешь, что с этим надо что-то делать? — Натаниэль подтолкнул к нему конверт.

— Нечего тут делать. Она думает, что все кончено. Так и есть. Можно выбросить это свидетельство в мусорную корзину.

Натаниэль полез в карман и достал оттуда сложенный лист бумаги.

— Говорю тебе, мы не можем так поступить. Вместе со свидетельством архиепископ прислал это письмо. Прочитать?

— Будь так добр, — с сарказмом сказал Стивен, теряя терпение.

— Он пишет: «Я не совсем понимаю, как расценивать это свидетельство о браке. Насколько мне известно, в настоящее время у принца Стивена нет жены, но я молюсь о том, чтобы, чем бы ни закончились их отношения, принц поступил честно перед Богом и людьми. Я подозреваю, что он женился на этой девушке тайно, но он не может тайно с ней расстаться. Аннулирование брака должно быть надлежащим образом зарегистрировано церковью».

— Я расстался с ней не тайно. Она все знает. Я объяснился с ней при личной встрече.

— Тебе нужно получить официальный документ об аннулировании брака. Будем надеяться, что она не вышла замуж повторно. В последнее время журналисты молчат о ней и ее семье. Если бы Корина Дель Рей вышла замуж, это стало бы заметным событием светской жизни.

— Ч-что? — фыркнул Стивен. Конечно, она больше не вышла замуж. Или вышла? По сердцу хлыстом ударила ревность.

— Она — красивая и умная женщина. Разве ты не понимаешь, что в нее мог влюбиться другой мужчина? Я бы не удивился, если бы она создала с ним семью. — Натаниэль глянул на часы: — Прости, что обрываю разговор

на полуслове, но мне пора, у меня встреча. Позвони утром Джонатану. Он поможет тебе ее найти. Можешь полететь на моем самолете.

— Что, прости? Натаниэль, я не собираюсь с ней встречаться. Давай пошлем документы курьерской службой.

— Стивен, она — твоя жена. Она заслуживает того, чтобы с ней обращались с должным уважением. Тем более что она целых пять лет по твоей милости ошибочно считала себя свободной женщиной. Наконец, она замужем за принцем Брайтонским, а значит, достойна того, чтобы к ней относились как к принцессе. — Натаниэль направился к выходу из кухни. — Если ты будешь пререкаться, мне придется пойти на крайние меры.

«Он говорит о маме!»

— Ты не посмеешь!

— А ты меня не вынуждай.

Стивен почувствовал себя двенадцатилетним ребенком. Как в тот день, когда отец устроил ему трепку за то, что он пригласил друзей поиграть в боулинг в тронном зале.

— Я думал, что разберусь с этим, Натаниэль. — Стивен решил проводить брата до выхода из дома. — Но потом начался международный чемпионат. Я решил, что раз свидетельства у меня нет, значит, можно просто выбросить это дело из головы.

— Надеюсь, ты не забыл, где находится резиденция архиепископа? — Натаниэль открыл дверь, и внутрь ворвался запах вечернего дождя. — Стивен, ты должен все исправить.

«Ну надо же!» Похоже, брат-король привык, что его приказы выполняются беспрекословно. Но он прав. Стивен должен с ней встретиться. Рассказать, что слу-

чилось, глядя ей в глаза. Он шумно и тяжело вздохнул, опустил на ближайший стул и устался в окно.

На улице шел дождь. Крупные капли отскакивали от согретого солнцем асфальта, и принц услышал вдалеке вечерний звон колоколов с колокольни городского кафедрального собора.

Один...

Два...

Три...

